

Херувимская пѣснь въ освѣщеніи литургійнымъ текстомъ.

Херувимская пѣснь на Литургіи I. Златоуста и В. Великаго обыкновенно изъясняется во второй своей части, со словъ: „Яко да Царя“. Первая же часть остается безъ поясненій, какъ понятная. Поэтому вниманіе при чтеніи этого церковнаго гимна и устремляется на его конецъ, проходя мимо начала, и отсюда слагается взглядъ на всю пѣснь такой, что будто бы конецъ пѣсни важнѣе ея начала. Конецъ же Херувимской пѣсни толкуется зачастую вполне самостоятельно, безъ справки съ началомъ. При этомъ, принятый въ богослуженіи славянскій текстъ принимается при толкованіи за правильный переводъ съ греческаго и подлинникомъ не повѣряется. И самое толкованіе отправляется отъ этого славянскаго перевода. Самое распространенное въ широкой публикѣ и въ школахъ, и принятое въ учебныхъ руководствахъ по изъясненію богослуженія пониманіе Херувимской пѣсни такое, что въ ней изображена символическая картина Царя всѣхъ Бога, „невидимо носимаго на копьяхъ Ангельскими чинами“, взятая „изъ обычая древнихъ Римлянъ, которые при торжественныхъ выходахъ, выносили царей на щитахъ, поддерживаемыхъ воинами съ поднятыми копьями“ ¹⁾. При этомъ толкованіи, настолько общезвѣстномъ, что оно не требуетъ болѣе обстоятельнаго изложенія, остается однако непонятнымъ то, напр., какъ связывается, хотя бы и символически, выраженіе взятое изъ военной исторіи, съ мирнымъ прибошеніемъ Богу безкровной жертвы,

¹⁾ Руководство къ изученію Церк. Устава съ краткимъ изъясненіемъ богослуженія Прав. Церкви. Изд. 2. СПб. 1897, стр. 65, прим. 2.

и какъ могутъ „поднять“ (= „достоинно почитать“ по этому объясненію) ¹⁾ Царя всѣхъ лица, къ которымъ обращенъ гимнъ, и для чего такъ обстоятельно характеризуются эти лица въ началѣ пѣсни?

Пріемъ толкованія всякаго текста долженъ быть такой: установить грамматическую связь, опредѣлить отношеніе между собою отдѣльныхъ его частей и поставить весь текстъ подъ контроль контекста. И самое главное: часть должна быть повѣрена всѣмъ памятникомъ и освѣщена общимъ воззрѣніемъ памятника въ цѣломъ на тотъ предметъ, который служить темой для разсужденій.

Наша Литургія, въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее теперь имѣемъ, сложилась вѣками, развившись изъ своего основнаго ядра, заложеннаго при ея учрежденіи на Тайной вечери. Одна религіозная мысль и одно религіозное христіанское чувство вдохновило совершителей ея сложить службу въ этомъ порядкѣ, въ какомъ мы ее совершаемъ. И мы не видимъ препятствій разсматривать Литургію какъ одинъ цѣльный памятникъ творчества религіознаго духа и повѣрить часть службы всей Литургіей. Херувимская пѣснь должна имѣть ту же цѣль, какъ и всѣ остальные части Литургіи, и въ ряду другихъ литургійныхъ молитвословій, она должна имѣть свое значеніе. При такомъ взглядѣ на это пѣснопѣніе, оказывается, что Херувимская пѣснь навѣяна различными моментами Литургіи, и имѣетъ въ виду опредѣленные моменты богослуженія. И такъ эти моменты ясны въ ней, что нѣтъ никакой необходимости для ея поясненія привлекать образы изъ постороннихъ областей, кромѣ самой Литургіи.

Какая главная, основная мысль этого молитвеннаго гимна? *Πᾶσαν τὴν βιωτικὴν ἀποθήμεθα μέριμναν*—всякое (нынѣ) житейское отложимъ попеченіе. Это главная мысль, выраженная и грамматически главнымъ предложеніемъ, въ формѣ увѣщанія (сослаг. аор. II общ.). Она—приглашеніе, увѣщаніе, оставить, позабыть всякую заботу обыденную, направленную къ сохраненію нашей жизни (*βιωτικὴν*). Это увѣщаніе обращается ко всѣмъ присутствующимъ при исполненіи гимна (1 л. мн. ч.), слѣд. къ молящимся за Литургіей. Та-

¹⁾ Ibid.

кое приглашеніе или увѣщаніе стоитъ на своемъ мѣстѣ и въ общемъ порядкѣ Литургіи. Херувимская пѣснь заканчиваетъ предварительную часть Литургіи вѣрныхъ и служитъ переходомъ и введеніемъ къ слѣдующей части, назначеніе которой приготовить молящихся къ достойному присутствію и участію въ совершеніи *Святого возношенія*, т. е. Евхаристической молитвы ¹⁾. До Херувимской пѣсни въ эктенияхъ Литургіи вѣрныхъ предлагаются прошенія, которыя не требуютъ такого душевнаго состоянія, — оставить всѣ мысли, не относящіяся къ богослуженію. Священническія молитвы, которыя въ текстѣ Литургіи отдѣляются отъ предыдущихъ молитвъ особымъ счетомъ: „молитва вѣрныхъ первая“, „молитва вѣрныхъ вторая“, также носятъ общій и вводный характеръ ко всей Литургіи вѣрныхъ и тоже не предполагаютъ въ молящихся *вѣрныхъ*, мыслей, сосредоточенныхъ на богослуженіи всецѣло и исключительно.

Въ Херувимской пѣсни поставлена тема, которая детально раскрывается далѣе, въ эктевіѣ просительной. Здѣсь мысль сосредоточена на уничтоженіи въ человѣческой душѣ всего того, что препятствуетъ ей приблизиться къ Богу. Херувимская пѣснь требуетъ отъ молящихся очистить въ душѣ мѣсто для новаго содержанія, — мысль гимна имѣетъ отрицательный характеръ. Прошенія эктении просительной предполагаютъ вѣру въ Божественный Промыселъ, Который о человѣкѣ и сохраненіи его жизни позаботится независимо отъ заботъ самого человѣка о своей жизни. Поэтому въ просительной эктениѣ человѣкъ возлагаетъ на Бога заботу о себѣ и т. обр. освобождаетъ свою душу отъ житейскихъ заботъ и приготовляетъ ее къ наполненію новымъ содержаніемъ. Новое содержаніе раскрывается далѣе въ Литургіи въ формѣ трехъ внушеній: мира, любви и полного вниманія вообще къ тому, что совершается и въ особенности къ евхаристіиной молитвѣ, къ святому возношенію.

Главная мысль Херувимской пѣсни — освободить себя отъ всякой житейской заботы, предваряется въ ней двумя чертами, изъ которыхъ первая по мѣсту, *οί τὰ Χερουβίμ μωβτικῶς εἰχονίζοντες*, опредѣляетъ значеніе въ богослуженіи тѣхъ лицъ, къ которымъ обращена Херувимская пѣснь, а вторая,

¹⁾ Сн. Карабиновъ И. Евхаристическая молитва (анафора). СПб. 1908.

καὶ τῇ ζωολογῇ Τριάδι τῶν τριῶν υἱῶν ἵδοντες, указываетъ ихъ богослужбное дѣйствіе, которымъ обусловливается указанное ихъ значеніе.

Въ первомъ случаѣ *εἰκονίζοντες* указываетъ по своему значенію на внѣшнее видимое изображеніе (ср. иконы). А членъ *οἱ* при этомъ причастіи глагола, указываетъ на слово *εἰκονίζοντες*, какъ на подлежащее предложенія, и допускаетъ переводъ только причастіемъ. Слово *μυστικῶς* опредѣляетъ сторону человѣческаго существа, къ которой относится *εἰκονίζοντες τὰ Χερουβίμ.* Мысль такая получается: изображающіе понятно для органовъ нашихъ чувствъ въ своемъ душевномъ мистическомъ особенномъ переживаніи то, чѣмъ постоянно живутъ Херувимы, или: отобразившіе въ своемъ состояніи душевномъ Херувимскую жизнь. Разбираемое предложеніе, въ отношеніи къ главному предложенію, будетъ опредѣлять его подразумѣваемое подлежащее „мы“: мы, состояніемъ своего духа начертывающіе видимый образъ Херувимовъ, которые всегда находятся въ томъ состояніи, въ которомъ мы въ этотъ моментъ находимся.

Во второмъ случаѣ раскрывается самое дѣйствіе, которое для Херувимовъ составляетъ сущность ихъ жизни, а для насъ служить выраженіемъ во внѣ того душевнаго состоянія, которое отображаетъ въ насъ Херувимовъ. Мистичность, сближающая насъ съ Херувимами, выражается въ пѣніи Живоворящей Троицѣ трисвятой пѣсни. Грамматическое соединеніе обоихъ предложеній *καὶ* при одномъ общемъ членѣ *οἱ* для обоихъ глаголовъ, даетъ мысль, что пѣніе трисвятой пѣсни есть необходимая и существенная сторона того душевнаго состоянія, о которомъ сказано въ первомъ предложеніи. Членъ *τῶν* и опредѣленіе *τριῶν* при словѣ *υἱῶν* указываютъ, что подъ словомъ *υἱῶν*, гимнъ, разумѣется опредѣленный гимнъ; исполняемый за богослуженіемъ, и притомъ гимнъ, въ которомъ существенное значеніе имѣетъ троекратное *ἄγιος*. Терминъ *τριῶν* не встрѣчается болѣе въ текстѣ пѣснопѣвній и молитвъ Литургіи, но есть пѣснопѣніе съ такимъ написаніемъ, и молитва священника въ канонѣ Евхаристіи съ троекратнымъ *Святъ*, приносимымъ Богу отъ лица всѣхъ присутствующихъ и устами ихъ самихъ. Эги два момента и должно видѣть въ текстѣ Херувимской пѣсни *τῶν τριῶν υἱῶν ἵδοντες*, при чемъ грам-

матическая форма, наст. вр. прич., указываетъ преимущественно и главнымъ образомъ на моментъ, который уже наступилъ, какъ ниже *ὀποδὲξάμενοι* указываетъ, что моментъ еще только имѣетъ быть въ будущемъ, — вѣрующіе *τὸν τοιαύτων ἔργων* уже пѣли и въ настоящій моментъ сохраняютъ въ себѣ то состояніе духа, которымъ сопровождалось это пѣніе. Исно, что говорится здѣсь о пѣніи *Трисвятого* — Святыи Боже. Моментъ этого пѣнія, по Херувимской пѣсни, есть моментъ богослуженія наиболѣе характерный для мистическаго настроенія, сближающаго насъ съ Херувимами. Такой взглядъ на Херувимскую пѣснь стоитъ въ согласіи съ существующимъ въ древней литературѣ разсказомъ о небесномъ происхожденіи Трисвятаго (разсказъ о мальчикѣ, слышавшемъ его пѣніе у Ангеловъ), въ которомъ отразился взглядъ древнихъ христіанъ на эту пѣснь, и съ источникомъ этой пѣсни въ Св. Писаніи. Какъ извѣстно, слова „Святъ, Святъ, Святъ“ говорили Херувимы, въ видѣніи пророка Исаи (Ис. 6 гл.), а слова „Боже“, „Крѣпкій“, „Безсмертный“, взяты изъ текста псалма: Возжада душа моя къ Богу Крѣпкому Живому (Ис. 41, 3). И т. обр. вся пѣснь есть соединеніе хвалы ангельской и человѣческой. Разсказъ о призваніи пр. Исаи къ пророческому служенію (Ис. 6 гл.) объявляетъ намъ, почему Трисвятое есть наиболѣе характерная пѣснь для состоянія духа, въ которомъ отображается Херувимская жизнь. Становясь лицомъ къ лицу (духовно) съ Богомъ, человѣкъ, какъ и пророкъ Исаія, чувствуетъ свою грѣховность по контрасту съ Божественной святостью, — святость Божества выступаетъ въ сознаніи прежде другихъ свойствъ Существа Божія ¹⁾, и требуетъ у cadaго человѣка очищенія, какъ и у пророка. То же свойство видятъ и Ангелы въ Богѣ, Который и „въ Ангелахъ усматриваетъ недостатки“. Но Ангелы постоянно видятъ Бога, а потому и постоянно чувствуютъ свою ограниченность и несовершенство по сравненію съ Божественнымъ Существомъ и святостью Божественной природы. А мы это чувствуемъ относительно своей природы не всегда, потому что духовный

¹⁾ Ср. въ Лит. Василія Великаго въ текстѣ евхаристіиной молитвы. *послѣ св. св. св. Господь Саваоѣ: съ сими блаженными силами...и мы срѣтнемъ воиѣмъ и глаголемъ: святъ...*

взоръ нашъ не всегда обращенъ къ Богу. Когда же нашъ духъ обращается къ Богу, то и его состояніе принимаетъ ту же форму, какъ и у Херувимовъ, т. е. чувствуетъ онъ свою ограниченность и свою грѣховность и Божественную святость и совершенство.

Если мы теперь обратимся къ способу исполненія на Литургіи Трисвятого, то замѣтимъ, что въ Литургіи Трисвятое выдѣляется изъ ряда другихъ пѣснопѣній посредствомъ особаго способа пѣнія. Важность, которая въ Литургіи, независимо отъ указанія въ Херувимской пѣсни, придается Трисвятому, видно, прежде всего изъ того, что для Трисвятаго имѣется специальная „молитва Трисвятаго пѣнія“ и съ специальнымъ прошеніемъ: *прими и отъ устъ насъ грѣшныхъ(!) трисвятую пѣснь*, и это прошеніе предваряется въ молитвѣ обстоятельнымъ воспоминаніемъ божественныхъ даровъ и по преимуществу дара жизни; *„иже отъ небытія во еже быти приведѣй всяческая, создавѣй челоуѣка... и всякимъ Твоимъ дарованіемъ украсивѣй“*. Указанный характеръ даровъ опять сближаетъ Трисвятое, и Херувимскую пѣснь и объясняетъ въ послѣдней присутствіе эпитета *ζωολογῶ, дающей жизнь* Троицѣ. Нужно отмѣтить еще и то, что тогда какъ молитвы Литургіи вѣрныхъ обращены къ Первому Лицу Св. Троицы, молитва Трисвятого (какъ и Трисвятое), согласно съ текстомъ Херувимской пѣсни, обращена къ Богу во Св. Троицѣ.

По образу исполненія, также есть параллель между Трисвятымъ и Херувимской, именно: служебникъ указываетъ іерею и діакону во время пѣнія говорить то и другое пѣснопѣніе, и даже въ обоихъ случаяхъ назначаетъ имъ творить *поклоны три предъ св. трапезою*. Но сравнительно съ другими пѣснопѣніями (а также и съ Херувимской), Трисвятому усвоется болѣе торжественное пѣніе за архіерейскимъ служеніемъ: $4\frac{1}{2}$ раза на клиросѣ—*со сладкопѣніемъ*, и 3 раза въ алтарѣ архіерей *поетъ въ купѣ со служащими сладкопѣненно*. При этомъ, во время перваго пѣнія въ алтарѣ *„держа архіерей дикирій въ деснѣй руцѣ, творитъ крестъ надъ Св. Евангеліемъ, во время второго, архіерей благословляетъ обѣма руками посреди къ западу, десную страну, и во время третьяго пѣнія архіерей съ горняго мѣста благословляетъ съ трикиріемъ трижды по чину“*.

Какое отношеніе имѣетъ это напоминаніе въ Херувимской пѣсни пѣнія Трисвятого къ главной мысли: отложимъ всякую заботу о жизни?—Побудительная причина къ исполненію оставитъ заботы. Образъ, картина, сильнѣе дѣйствуетъ на человѣка, чѣмъ теоретическое разсужденіе. Присутствующимъ напоминаетъ моментъ, когда особенно проявилась за богослуженіемъ торжественность, и притомъ торжественность, идейно обоснованная въ богослуженіи. Чтобы представить себѣ, какой это сильный мотивъ для душевной перемѣны, нужно припомнить, что представляло пѣніе Трисвятого въ древнее время, въ связи съ входомъ, за которымъ оно слѣдуетъ непосредственно (не считая тропарей), которые вѣроятно пѣлись во время самаго хода ¹⁾, и когда молитвы читались на входѣ въ слухъ всего народа и слѣд. идейная связь входа съ Трисвятымъ была ошутительна всѣмъ. Въ древнее время малый литургійный входъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ входомъ императора и властей въ храмъ. При всемъ своемъ величїи, окруженный сановниками, входя въ храмъ, и императоръ слагалъ съ себя при входѣ ²⁾ знаки своего достоинства. Такое смиреніе окруженнаго блескомъ царя, въ глазахъ его подданныхъ, привыкшихъ падать ницъ передъ нимъ, усиливало впечатлѣніе славы Божїей, ставя владыку на положеніе раба. А торжественный входъ въ алтарь всѣхъ священнослужителей во главѣ съ патріархомъ, которые, встрѣтивъ царя, проявившаго также смиреніе, и помянувъ на входѣ небесныхъ силъ, войдя въ алтарь начинали особымъ образомъ пѣть пѣснь этихъ небесныхъ силъ у престола Небеснаго Царя всѣхъ,—дѣйствительно могъ заставить людей переживать въ пѣсни Трисвятого присутствіе и единеніе съ Херувимами, славящими Господа. Напоминаніе объ этомъ моментѣ, гдѣ такъ одушевленно и наглядно чувствовалась слава Божїя, (что хоть и не такъ сильно, и теперь чувствуется въ этотъ моментъ за архіерейскимъ служеніемъ Литургїи), давала возможность вообразить, какъ было бы духовно неприглядно явиться между Херувимами

1) Ср. указ. нѣтъ тропарь *храму, на входѣ*, и стихиру храма въ воскресенье на литїи—когда *исходятъ*,—т. е. святаго храма вспоминають, когда *идуть по храму*.

2) Ср. мозаику св. Софїи надъ входными дверями, изобр. императора павшаго ницъ предъ Спасителемъ на тронѣ.

не въ брачной одеждѣ, когда Самъ Царь всѣхъ будетъ на св. престолѣ въ Св. Тайнахъ ¹⁾).

Вторая половина Херувимской пѣсни объясняетъ причину, почему отъ лицъ, таинственно отобразившихъ въ словословіи Херувимовъ, требуется удалить изъ сознанія всякую заботу, направленную къ поддержанію жизни: *ὡς τὸν Βασιλέα τῶν ὕλων ὑποδεξάμενοι*. Но, къ сожалѣнію, если первая часть переведена не точно, то вторая половина гимна, прямо передана по славянски неправильно до искаженія смысла. Греч. *ὡς* должно быть передано по русски словомъ *какъ*. Форма *ὑποδεξάμενοι*—прич. буд. при *ὡς*, отъ отложительнаго глагола, д. быть передана также причастиемъ буд. вр. (описательно). Притомъ гл. *ὑποδέχομαι* имѣетъ значеніе встрѣчать, радушно принимать, вообще входить въ общеніе, и не имѣетъ значенія подымать. Весь текстъ д. быть переданъ: *какъ имѣющіе принять по собственному расположенію Царя встать*. Вотъ причина, почему такъ энергично требуется забыть все земное. Здѣсь отмѣчается такой актъ, для котораго считается недостаточнымъ то мистическое состояніе духа, которое отмѣчено выше. Недостаточность его въ томъ, что оно сложилось, произвольно, подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, подъ вліяніемъ богослужебно-храмовой обстановки, встрѣчи царя земного съ синклитомъ, торжественнаго пѣнія, однимъ словомъ подъ вліяніемъ впечатлѣній на органы внѣшнихъ чувствъ—зрѣнія, слуха и обонянія (εἰμίамъ при каждомъ). Теперь требуется еще прибавить сознательное волевое усиліе, требуется изъ состоянія пассивнаго перейти въ состояніе активности, осознать это состояніе какъ свое собственное, произвольное, и не только въ немъ удержаться, но и усилить его дѣйствіемъ своей волей. Требуется, чтобы проявившаяся въ человѣкѣ Херувимская жизнь и захватившая его, не господствовала надъ нимъ, не подавляла его

¹⁾ Въ Галликанской Литургіи Трисвятое поется въ трехъ мѣстахъ: предъ эктенией, соответствующей нашей Великой, послѣ чтенія Апостола и послѣ Евангелія. Германъ Парижскій говоритъ (Epist. 2), что Трисвятое или *aius* (*αἴιους*) на греч. яз. было начинаемо священникомъ, пѣвцы продолжали его на греческомъ и повторяли на латинскомъ яз.; а оканчивалось оно еврейскимъ словомъ *аминь*. См. Собр. древнихъ Литургій. Вып. четвертый, СПб. 1877, 97 стр.

личность, но чтобы человѣческая личность господствовала надъ этимъ состояніемъ духа, не уничтожая его въ то же время, а проникаясь имъ. Отвлеченіе вниманія отъ неподходящихъ предметовъ и задержка вниманія на указываемомъ теперь богослужебномъ актѣ и есть произвольная работа свободной человѣческой личности, которая переводитъ состояніе образовавшееся *во мнѣ*,—*въ мое*. Состояніе экстатического характера дѣлается нравственно-цѣннымъ для воли человѣка. Моментомъ богослуженія, куда Херувимская пѣснь устремляетъ теперь вниманіе изображающихъ Херувимовъ, будетъ тѣмъ же моментомъ, къ которому устремляется мысль почти всѣхъ священническихъ молитвъ—къ моменту Св. Причащенія. И приять по собственному расположенію Царя всѣхъ,—это значить причаститься Св. Таинъ за данной Литургіей. Св. Причащеніе есть несравненно высшая ступень, чѣмъ мистическое участіе въ Херувимской жизни, это участіе въ Божественной жизни,—высшая благодать, которой только удостоенъ человѣкъ. Св. Причащеніе—это цѣль всей Литургіи. Къ этому направлено въ ней все. И изъ этого развилась вся Литургія. Въ частности, во второй молитвѣ вѣрныхъ, священникъ молится о всѣхъ присутствующихъ: „даждь имъ... неповинно и неосужденно причаститься Святыхъ Твоихъ Таинъ и небеснаго Твоего Царствія сподобиться“. И этимъ прошеніемъ онъ заканчиваетъ рядъ прошеній, такъ что Херувимская пѣснь прямо примыкаетъ къ прошенію о достойномъ Причащеніи христіанъ. Первое же прошеніе послѣ Херувимской пѣсни (не считая общаго приглашенія къ молитвѣ: Исполнимъ молитву нашу Господеви) будетъ „о предложенныхъ честныхъ Дарѣхъ“ ¹⁾.

Указывая моментъ св. Причащенія, какъ причину для оставленія всѣхъ заботъ житейскихъ, Херувимская пѣснь и здѣсь представляетъ духовную картину: *ταῖς ἀγγελικαῖς χοραῖς δορυφορούμενον τάξουσιν*. Это будетъ дополненіе къ слову *τῶν Βασιλέα*. Употребленный здѣсь глаголь *δορυφορέω* переведенъ

¹⁾ Можно идти далѣе, и проникнуть въ значеніе самаго перерыва Херувимской пѣсни Великимъ входомъ на этомъ мѣстѣ: Св. чаша удаляется въ алтарь и закрывается завѣсой,—все говоритъ о томъ, что мы еще не приобрѣли нужнаго настроенія мысли и воли, и потому должны ожидать еще въ которое время...

неправильно и его неправильный переводъ послужилъ причиною неправильнаго толкованія Херувимской пѣсни. Корень *δούρ*—коше, а *φορέω*, въ отличіе отъ *φέρω*, указываетъ на непрерывное ношеніе. Сложный гл. *δουροφόρεω* даетъ понятіе о лицахъ, постоянно занятыхъ исполненіемъ своихъ обязанностей, и имѣетъ значеніе: быть тѣлохранителемъ, почетной стражей, свитой окружать, сопровождать кого-либо. Эта черта примѣнена здѣсь къ Ангельскимъ чинамъ. Отсюда переводъ долженъ быть: Царя всѣхъ, невидимо сопровождаемаго (или охраняемаго) Ангельскими чинами. Въ такомъ переводѣ конецъ Херувимской пѣсни долженъ быть отнесенъ также къ моменту Св. Причащенія, даже еще частнѣе — къ моменту выноса изъ алтаря для причащенія народа чаши со св. Дарами. Херувимская пѣснь выражаетъ вѣрованіе Церкви, что совершающему Литургію священнику сослужаютъ Ангелы. Сослуженіе Ангеловъ въ указанный моментъ Литургіи состоитъ, по Херувимской пѣсни, въ томъ, что они во множествѣ (*τάξεισι*) охраняютъ и сопровождаютъ св. Дары, выносимые для причащенія мірянъ, и вмѣстѣ со св. Чашею исходятъ изъ алтаря, подобно тому какъ на маломъ входѣ Ангельскіе чины мыслятся въ священнической молитвѣ входа входящими въ алтарь вмѣстѣ съ священнослужителями для совмѣстнаго съ ними славословія, что и выражается въ пѣннѣ Трисвятого.

Сослуженіе Ангеловъ за Литургіей—взглядъ, который выражается во многихъ священническихъ молитвахъ, положенныхъ въ разныхъ мѣстахъ на Литургіи, и ихъ сослуженіе считается настолько необходимымъ таинственнымъ элементомъ Литургіи, что именно объ этомъ сослуженіи и молится священникъ, приступая къ Престолу въ первый разъ (согласно древнему порядку и настоящему тексту свящ. молитвѣ). Сюда относятся слова молитвы входа: сотвори со входомъ нашимъ входу святыхъ Ангель быти, сослужащихъ намъ и сославословящихъ Твою благодать. По тексту евхаристіиной молитвы на Лит. Вас. Великаго, Ангельскіе чины „предстоятъ о рествъ,“ и „взываютъ единъ ко другому, негре тавными усты, немолчными славословенми“. Также и въ словахъ: „съ сими и мы блаженными силами, Владыко Человѣколюбче, вопіемъ и глаголемъ“ выражено вѣрованіе въ сослуженіи намъ за Литургіей Небесныхъ Силь. На Литургіи

Преждеосвященной, въ Херувимской пѣсни прямо говорится: „Нынѣ Силы небесныя съ нами невидимо служатъ“¹⁾.

Въ древней Церкви Причащеніе за Литургіей считалось обязательнымъ для всѣхъ присутствующихъ полноправныхъ членовъ Церкви, и уклоненіе отъ Причащенія безъ уважительной къ тому причины разсматривалось какъ набрасываніе тѣни на служащаго священника или епископа²⁾. Нынѣшній текстъ Литургійныхъ молитвъ нигдѣ не предполагаетъ, чтобы кто изъ присутствующихъ за Литургіей не причащался, хотя наша практика въ данномъ отношеніи прямо и противорѣчитъ этому тексту. Но Херувимская пѣснь, въ полномъ противорѣчій съ нашей практикой и въ полномъ согласіи съ Литургійными молитвами, также предполагаетъ, что всѣ, Животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь воспѣвающие, непременно и причащаются въ концѣ Литургіи.

Разсмотрѣвъ Херувимскую пѣснь подробно, мы видимъ, что она есть гимнь, по формѣ напоминающій церковную проповѣдь. Можетъ быть, что она есть часть проповѣди сказанной кѣмъ-либо изъ Отцовъ или учителей Церкви, за свою художественную форму, отвѣчающую религиозному состоянію духа, перешедшая изъ поученія въ общеупотребительное пѣснопѣніе. Мы знаемъ не мало такихъ случаевъ, когда вдохновенное слово проповѣдника дѣлалось пѣснопѣніемъ за богослуженіемъ. Такова, напр., 1-я стихира стиховная на вечерни въ понедѣльникъ 1 нед. Вел. Поста: *Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви*. Она цѣликомъ взята изъ бесѣды Златоуста *О честномъ Крестѣ*³⁾. Или начало одной изъ стихиръ на Господи воззвахъ—она же и хвалитная на 29 августа: „*Паки Иродіа бѣсится, паки смущается*“ есть не что иное, какъ начало проповѣди Златоуста

1) О сослуженіи при Св. Тайнахъ Ангеловъ говорить и Златоустъ въ словахъ о Священствѣ, и агиографическая литература, въ которой имѣются разсказы о томъ, какъ нѣкіе благочестивые люди видѣли, что вмѣсто недостойнаго іерея, причащаль людей Ангелъ. Объ этомъ върваніи говорить также и древняя иконографія Тайной Вечери по литургическому переводу, гдѣ около Христа, причащающаго Апостоловъ, изображается Ангелъ и притомъ въ положеніи служащаго Христу и охраняющаго Св. Тайны.

2) Ап. пр. 8.

3) Твор. Златоуста. Изд. Спб. Д. А. Т. VIII, 860 стр. 1902 г.

на тотъ же день, имѣвшей такое печальное значеніе для его жизни¹⁾. Или ирмосъ *Христосъ рождается* есть начальныя слова, взятая изъ Слова на Рождество Христово Григ. Бого-слова. Такъ и Херувимская пѣснь. По своему содержанию, и по мѣсту, имѣетъ въ общемъ порядкѣ Литургіи вѣрныхъ, значеніе поученія (поученіе въ смыслѣ монологической рѣчи не говорилось на Лит. вѣрныхъ) съ опредѣленнымъ предметомъ, касающимся самаго центральнаго пункта всего хри-стіанскаго богослуженія, къ которому устремляется вниманіе христіанъ на протяженіи всей Литургіи. Если проповѣдь на Литургіи оглашенныхъ изъясняетъ разныя стороны христіан-ской вѣры и жизни, то Херувимская пѣснь на Литургіи вѣрныхъ кратко и ясно формулируетъ задачу, которую хри-стіане теперь же немедленно должны выполнить, чтобы до-стигнуть цѣли, для которой они и собрались въ храмъ,— соединиться со Христомъ въ св. Причащеніи. Поэтому Хе-рувимская пѣснь заканчивается краткимъ и сильнымъ: Аллилуія, что значить и *Хвалите Бога, и Господь грядетъ*. То и другое значеніе резюмируетъ всю пѣснь, указывая въ одномъ значеніе дѣйствіе и отношеніе людей къ Богу, а въ другомъ отношеніи Бога къ людямъ — то отношеніе, къ ко-торому устремляется въ Херувимской пѣсни все вниманіе людей.

В. Черкасовъ.

¹⁾ Твор. Златоуста. VIII т., 607 стр. Изд. Спб. Д. А.